

Городилова Л. М. Экстралингвистические условия формирования русского топонимикона Приенисейской Сибири (на материале памятников деловой письменности XVII века) / Л. М. Городилова // Научный диалог. — 2019. — № 5. — С. 25—45. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-5-25-45.

Gorodilova, L. M. (2019). Extralinguistic Conditions of Formation of Russian Toponymical System of Yenisei Siberia (based on Business Manuscripts of 17 Century). *Nauchnyi dialog*, 5: 25-45. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-5-25-45. (In Russ.).

УДК 81'373.21(571.1/.5)“16”

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-5-25-45

Экстралингвистические условия формирования русского топонимикона Приенисейской Сибири (на материале памятников деловой письменности XVII века)

© Городилова Людмила Михайловна (2019), orcid.org/0000-0002-5824-8514, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и издательского дела, Тихоокеанский государственный университет (Хабаровск, Россия), gorodilova_l@mail.ru

Представлено описание фрагмента топонимической системы Приенисейской Сибири в период, предшествующий появлению на данной территории русских первопоселенцев. Актуальность работы обусловлена отсутствием исследований исходного состояния топонимической системы Приенисейской Сибири, реконструкция которого возможна только по сохранившимся рукописным памятникам, а также необходимостью описания топонимического пространства отдельно взятого региона от первой фиксации в письменных источниках до современного состояния. Новизна исследования заключается в том, что реконструкция начальной стадии формирования топонимической системы Приенисейской Сибири впервые проводится на материале неопубликованных рукописных документов XVII—XVIII веков, которые зафиксировали не только собственно русские топонимы, но и наименования географических объектов, восходящие к языкам автохтонного населения Сибири. Особое внимание уделяется характерным признакам топонимов, принадлежащих к различным языковым группам коренного населения. Показано, что наличие дорусской топонимии является одним из экстралингвистических условий формирования русской топонимической системы. Доказано, что исследование топонимии дорусского происхождения позволяет воссоздать объективную картину формирования топонимической системы Приенисейской Сибири и тем самым расширить представление об общерусской и региональной системе топонимических знаков с позиции ресурсов именования.

Ключевые слова: автохтонное население Приенисейской Сибири; аборигенные названия географических объектов; тунгусский, самодийский, тюркский, кетский и монголо-бурятский языковые пласты топонимии; рукописные памятники XVII века.

1. Введение

Настоящая публикация представляет собой фрагмент исследования исходного состояния топонимической системы Приенисейской Сибири, зафиксированной памятниками делового содержания XVII — начала XVIII веков. Источником изучения топонимов стали неопубликованные рукописные тексты разных жанров, хранящиеся в фондах центральных и периферийных архивов: Российского государственного архива древних актов (ф. 214 — Сибирский приказ; ф. 838 — Енисейская приказная изба; ф. 1177 — Якутская приказная изба; ф. 281 — Грамоты Коллегии экономии; ф. 350 — Ландратские книги и ревизские сказки), Архива Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН (ф. 110 — Поуездная коллекция), Государственного архива Красноярского края (ф. 907 — Енисейская нижняя расправа). Анализу подвергнуты документы съезжих (приказных) и таможенных изб Приенисейской Сибири преимущественно XVII века: Енисейского, Мангазейского, Туруханского, Тазовского, Красноярского, Маковского и некоторых других острогов. Исследование труднодоступных архивных материалов позволяет ввести в научный оборот новый фактический материал, обусловленный особенностями локальной номинации географических объектов, которая в свою очередь связана с конкретными историческими событиями, происходившими на описываемой территории. Без постоянного накопления фактического материала невозможно дальнейшее развитие теории топонимики, поскольку «осмысление, систематизация, интерпретирование конкретного массива топонимов являются более достоверными только в том случае, если они основываются на достаточно большом материале. Вовлечение в научный оборот нового фактического материала очень важно потому, что он помогает обосновать теоретические положения, подтвердить (или опровергнуть) результаты предыдущих исследований, выдвинуть новые задачи и способствовать их решению» [Картавенко, 2012, с. 3].

Для получения достоверных данных, реконструкции и описания топонимической системы заданного региона использовались такие методы, как палеографический, источниковедческий, историко-лексикологический, метод исторической реконструкции, сравнительно-исторический и срав-

нительно-сопоставительный, количественно-статистический метод, метод лингвистической интерпретации, описательный и др.

Начало изучению топонимии южной части Красноярского края было положено в 50-е годы XX века профессором А. П. Дульзоном и учениками его школы, которые исследовали преимущественно Западную Сибирь. Описание топонимического пространства современной Приенисейской Сибири представлено в работах С. П. Васильевой [Васильева, 2005], В. М. Мальцевой [Мальцева, 1995], Е. И. Целебровской [Целебровская, 2013]. Однако исходное состояние топонимической системы Приенисейской Сибири изучено явно недостаточно и отражено только в отдельных наших публикациях [Городилова, 2013, 2014 а, 2014 б].

Деловая письменность Приенисейской Сибири XVII — начала XVIII веков фиксирует разные типы топонимов, возникновение которых тесно связано с историей заселения этой обширной территории. Топонимикон Приенисейской Сибири является прямым отражением своеобразия этнических контактов, особенностей социально-экономических и природно-хозяйственных условий жизни русских первопоселенцев в период активного освоения новой территории.

Формирование регионального топонимикона обусловлено различными экстралингвистическими факторами, под которыми понимаются «параметры внеязыковой социальной действительности, обуславливающие изменения в языке как глобального, так и частного характера» [Жеребило, 2011, с. 247]. О зависимости формирования топонимической системы региона от экстралингвистических факторов говорит и известный исследователь сибирской топонимии И. А. Воробьева: «Топонимическая система в значительно большей степени, чем любая лексико-семантическая группа, зависит от экстралингвистических факторов (физико-географические признаки реалий и их изменения, социально-исторические условия жизни человека и их изменения). Поэтому нам представляется, что нельзя проводить системное изучение топонимов в отрыве от изучения воздействия на топонимию окружающей среды, в данном случае коллектива людей, в речи которых функционируют топонимы» [Воробьева, 1976, с. 5].

Одним из экстралингвистических факторов, повлиявшим на формирование русской топонимии в XVII веке, стало контактирование русских первопоселенцев с коренными обитателями Приенисейской Сибири, что не могло не отразиться в названиях географических объектов, которые изначально связаны с языками различных этносов.

2. Этнический состав населения Приенисейской Сибири в «дорусский» период

До прихода русских на территории Приенисейской Сибири проживали представители различных этнических групп.

Основным населением Мангазейского уезда в XVII веке были самоеды (предки современных нганасанов, тундровых энцев и лесных энцев), остяки (предки основной массы современных кетов) и тунгусы (предки основной массы эвенков севера современного Красноярского края и Иркутской области). Примерно с середины XVII века в состав населения Мангазейского уезда начали входить представители четвертой этнографической группы северных самоедов — юраки, или ненцы. Во второй половине XVII века в Мангазейском уезде на реках Тазу и Турухане появились селькупы — выходцы из Сургутского уезда [Долгих, 1960, с. 119—182]. Подтверждением тому служат рукописные памятники, в которых находим: *От Турухана и до Мангазеи место пустое и по Турухану реке и на волоку и на туруханских розсохах приезжает летом и зимою воровская неясачная самоедь юраки и русских люди грабят и побивают* [РГАДА, ст. 93, л. 48]; *Мангазеискоу уезду ясачным иноземцом самоеди и остяком и тунгусским и самоецким аманатом и колодником тунгусу же и самоеди-ну 39 члвом на корм в город <...> вышло муки ржаной 23 чети с осминоу* [РГАДА, кн. 1422, л. 159 об.].

По Енисею вниз и вверх от Енисейска жили кузнецкие остяки, южная граница распространения которых доходила примерно до границы с Красноярским уездом. В устье Пита и низовье Ангара обитали тунгусы — предки современных эвенков, эвенов и негидальцев. Приангарские тунгусы описаны в ясачных книгах первой половины XVII века по двум волостям — Рыбенской и Чадобской. Наиболее ранние сведения о родоплеменных названиях тунгусов, обитавших в Приангарье, содержатся в коллективной челобитной стрелецкого сотника Петра Бекетова, атамана Максима Перфильева, пятидесятника Терешки Савина и других енисейских служилых людей: *первую гсдрь волость привели под твою гсдрву высокую руку вверх по Верхней Тунгуске реке на рыбной ловле лапегирских тунгусов князца Иркенея да Бокея с товарищи и ясак с них тебе великому гсдрю взяли да вверх по Верхней же Тунгуске реке привели под твою гсдрву высокую руку тунгусских людей топорков в Муре и в Чадобче реке кнзца Мамыгу да Мулту с товарищи и ясак с них тебе великому гсдрю взяли да вверх по Тунгуске же реке привели под твою гсдрву высокую руку в реке Кове и на Аплинском пороге тунгусских же людей чипа[ир]цов кнзца Бултурина с товарищи и ясак с них тебе вели[кому] гсдрю взяли да вверх*

по Тунгуске ж реке привели под твою гсдрву высокую руку шаманских тунгуских людей в Кове реке князца Когоня с товарищи и ясак с них тебе гсдрю взяли... [РГАДА, ст. 12, лл. 452—453]. В переписной книге 1669 года зафиксировано уже 10 волостей: Рыбенская, Чадобская, Мурская, Каменская, Ковинская, Чунская, Пинчужская, Катцкая, Тасеевская, Асанская [РГАДА, кн. 527, лл. 226—263]. Севернее немногочисленных питских тунгусов жили тунгусы варгаганские. Памятники деловой письменности сохранили родоплеменные названия тунгусов — лапагирские, кайваганские, ятоянцы (зятюгиры), ичерильцы, чипогиры, мендизинкуры и асаны [РГАДА, кн. 22, лл. 489—493; кн. 48, лл. 45—55; ст. 344, лл. 456, 458].

Отмечаются в документальной письменности и *братские люди* — буряты, жившие в низовьях Оки и ее притока Ии и платившие ясак в Балаганский острог. По реке Ие выше бурят Братского острога жили ийские тунгусы — кочемары, кармагинцы и др.

Этнографический состав коренного населения Енисейского уезда XVII — начала XVIII веков был представлен такими территориально-родовыми группами, как *остяки (кеты)*: сымско-касские (дюканы), пумпокольские, натские, асаны — тасеевские «тунгусы»; *тунгусы (эвенки)*: питские, варгаганские, топорки, ичерильцы / ичеренцы, гейско-ангарские, удские / верхнеангарские, ийские, балаганские и др.; *буряты*: икинаты, булагаты.

Южнее, на территории Красноярского уезда, в XVII — начале XVIII веков проживали *кеты*: аринцы, буклинцы (яринцы), байкотовцы, котты (асаны), корчуны; *самоеды*: кайасинцы, кашинцы, кашинцы конные, моторы, карагасы, кангаты, саянцы и др.; *тюрки*: качинцы, саянцы, киргизы-тубинцы; *монголы*: булагаты; *тунгусы*: кочемары, кармагинцы, караноты. Населявшие Красноярский уезд племена аринцев, буклинцев, качинцев, камасинцев, моторов, котов на протяжении всего XVII века вступали в борьбу с енисейскими киргизами. Так, в ясачной книге за 1679—1680 годы описывается набег киргизов на ясачные волости, который привел к их полному оскудению: *с подгородных с ближних земель с Качинские и с Аринские и с Ястынские и з Бахтинские волостей великого гсдря ясаку не взято ничево потому что тех землиц и волостей ясачные люди в прошлом во 187 (1678) году в приход воинских людей взяты в полон все с женами и детьми а в ннinem во 188 (1679) году те ясачные люди выходят ис полу по человеку и по два разорены и с них взять нечево* [РГАДА, кн. 717, л. 567].

Общее количество коренного населения в Енисейской губернии к концу XVII века не превышало 7000 человек, в Красноярской — 8000 человек.

«Несмотря на довольно редкое население, кочевой образ жизни большинства сибирских народов неизбежно провоцировал столкновения между племенами и даже отдельными родами в борьбе за новые территории. Так что вооруженные конфликты были обычным делом: сильные народы подчиняли более слабые, превращая их в кыштымов — зависимое население, обязанное выплачивать дань. <...> общими свойствами для всех сибирских народов были имущественное неравенство и патриархальное рабство» [Дмитриев, 2019].

Таким образом, по данным памятников деловой письменности и специальной исторической литературы можно установить, что низовье Енисея занимали самодийские племена, говорившие на языках самодийской группы, образующих вместе с языками финно-угорской группы уральскую языковую семью, в которую входили и вымершие позже языки: маторский, камасинский, койбальский и др. Так, юрацкий язык, занимавший промежуточное положение между ненецким и энецким языками самодийской языковой группы и распространенный в тундре к западу от Енисея, вымер уже в начале XIX века; камасинский язык — язык саянских самоедов (камасинцев, камасов, кангаласцев, койбал), населявших северные отроги Саянских гор, вымер в XX веке.

К северной ветви самодийских языков относится сохранившийся тавгийско-самоедский (совр. нганасанский) язык, на котором, по данным Всероссийской переписи населения 2010 года [Итоги ..., 2010], из 862 нганасан, проживающих в Таймырском Долгано-Ненецком районе Красноярского края в поселках Усть-Авам, Волочанка и Новая, говорят только 125 человек. Сегодня большинство самодийских народов (ненцы, энцы, селькупы) живут в Ненецком автономном округе Архангельской области, Ямало-Ненецком автономном округе Тюменской области.

Бассейн Нижней Тунгуски и Ангара занимали остяки (кеты), использовавшие кетский язык, который относится к группе енисейских языков. Носители енисейских языков (асаны, аринцы, яринцы, бахтинцы котты и др.) в прошлом расселялись в верховьях Енисея и его притоков и в течение XVIII—XIX веков были ассимилированы соседними народами.

К енисейским языкам принадлежали сымский, аринский (к северу от Красноярска), асанский и коттский (к югу от Красноярска, восточнее Енисея до Кана), пумпокольский (в верховьях р. Кеть) языки. Все эти енисейские языки вымерли вместе с их носителями к середине XVIII века, кроме коттского, который сохранялся в живом употреблении до середины XIX века. К середине XX века сохранилось лишь два енисейских языка — кетский и югский. В настоящее время кетский язык

является последним живым представителем енисейской языковой семьи. Он распространен по Енисею и его притокам от р. Подкаменной Тунгуски на юге до р. Курейки на севере. Наибольшее число носителей кетского языка — кетов — сохранилось в поселках Суломая на Подкаменной Тунгуске и Келлог на Елогее [Вернер, 1997, с. 169—177; Топоров, 1990, с. 150—151].

Пестрый этнический состав населения Приенисейской Сибири до прихода русских, языковое разнообразие не могли не отразиться в номинации географических объектов, которые издревле служили естественными природными ориентирами для кочующих народов.

3. Языковые пласты топонимической системы Приенисейской Сибири «дорусского» периода

Топонимическая система Приенисейской Сибири «дорусского» периода, зафиксированная памятниками деловой письменности XVII — начала XVIII веков, включает 5 основных языковых пластов: тюркский, тунгусский, самодийский, кетский и монголо-бурятский.

К наиболее древнему пласту номинации географических объектов Приенисейской Сибири относятся тюркоязычные по происхождению топонимы. М. Н. Мельхеев связывает тюркскую топонимию бассейна Селенги с орхонскими тюрками VI—VIII веков, а в Прибайкалье — с тюрко-куруканам (древними якутами) [Мельхеев, 1969б, с. 37]. Наиболее показательным признаком тюркского происхождения топонима является топоформант *бай* ('богатый, знаменитый, великий, большой') в сочетании с другими основами, например: *Байкал* от тюрко-монг. *бай-гал* — 'большой водоем', 'множество воды' [Мельхеев, 1969а], хотя некоторые исследователи связывают происхождение топонима *Байкал* с бурят. *Байгал*, заимствованным из якут. *Байхал* или *Байг'ал*, — 'большая, глубокая вода; море' [Поспелов, 2005, с. 68]. В исследованных документах топоним *Байкал* отмечается с 1648 года: *приплыли з Байкала озера енисейкой атаман Василей Колесников с товарищи <...> привезли твоего гсдрва ясака с новые земли з Байкала озера одинатцат сороков семь соболей в козочках не мяты* [РГАДА, ст. 308, л. 8].

К другим топонимообразующим основам тюркского происхождения М. Н. Мельхеев относит: *кай* — 'скала, утес, гора'; *таг* — 'гора'; *таш* (*тас*) — 'камень'; *баиш* — 'голова, вершина'; *кол* (*кул*) — 'озеро'; *аба* — 'отец'; *урах* (*юрях*) — 'река'; *ак* — 'белый'; *кара* — 'черный' и др. [Мельхеев, 1969б, с. 37—38], однако топонимы с указанными формантами в исследованных памятниках деловой письменности не выявлены.

Абсолютное большинство топонимов, распространенных на территории Приенисейской Сибири, восходит к тунгусскому (эвенкийскому) языку. До настоящего времени в границах нынешнего Красноярского края, Иркутской и Читинской областей сохраняется высокая плотность топонимов тунгусского происхождения. Как правило, это названия рек с суффиксом прилагательного *-нга*: *Куленга* — ‘змеиная’ (от эвенк. *кулин* — ‘змея’, *кулинга* — ‘змеиный’); *Киренга* — ‘грязная’ (от эвенк. *кири* — ‘грязь’ или *кара* — ‘черный’) [Там же, с. 31]; *Катанга* (от эвенк. *ката*, *кото* — ‘нож’, ‘пальма’ [Мельхеев, 1964, с. 43–44], *Селенга* — ‘железистая река’ (от *сэлэ* — ‘железо’) [Василевич, 1958, с. 326–327; Гурулев, 1989, с. 66–70; Мельхеев, 1969б, с. 152; Пospelов, 2005, с. 233]. Например: *От Тутуры реки до Куленги реки пять ден ходу впала в Лену реку с правую сторону течет ис Камени а на усть тое реки Куленги выше и ниже по днищу ходу по обе стороны Лены реки паиенных мест по смете мочно крестьян устроить человек двесте и болиши <...> от усть Куленги реки до реки Онги судовым ходом два дни а пешему день ходу <...> да с Онги же реки дорога на верх Киренги реки ходу два дни Киренга впала в Лену а по Киренге живут многие тунгусы а ясак гсдрю платят не все* [РГАДА, ст. 2415, лл. 259–260]; *за Байкалом озером на Селенге реке на мугалской границе поставлен острог новой и покрыт тесом* [РГАДА, кн. 583, л. 208]; *и про те государь новые землицы я холоп твой воеводе Федору Уварову да подьячему Василью Шпилькину в съезжей избе сказывал а прежде гсдрь меня холопа твоего на той Селенге реке никто не бывал* [РГАДА, ст. 227, лл. 258–259].

Признаком тунгусского (эвенкийского) происхождения топонима являются также суффиксы пренебрежительности *-чан*, *-чон*, *-чэн*. Так, слово *буга* имеет значение ‘местность’, а в сочетании с суффиксом *-чан* означает ‘плохая местность’ [Мельхеев, 1969, с. 28–32], что отразилось в топониме *Бугачан*: *дрвня вверх по Енисею реки на Плодбици а другая на Бугачане и до тех гсдрь дрвен версть по десяти и болиши* [РГАДА, ст. 91, л. 135].

С тунгусским (эвенкийским) языком связывают происхождение гидронимов *Килка* (совр. *Хилок*): от эвенк. *килгэ* — ‘брусок, точильный камень’ — «по характеру прибрежной породы, пригодной для изготовления точильных камней» [Мельхеев, 1969б, с. 173]; *Баунт* (озеро и производный ойконим Баунтовский острог): от эвенк. *баунт* — ‘охотник’; *Кута*: от эвенк. *кута* — ‘трясина, болото, заболоченное место’ [Мельхеев, 1964, с. 49] и др.: *те все неясачные люди живут по той Килке реке в кочевьях своих <...> а по правую гсдрь сторону по той Килке реке кочуют мугалские царевичи с своими улусными людьми* [РГАДА, кн. 344, л. 588–589]; *Перепи-*

саны енисейские подгородные кетские рыбенские и чадобские <...> и Байкала озера Баргузинского и Ангарского острогов и Баунта и Буженея озер и Витима и Каранги рекъ и новог Кучидцког острогу ясачных волостей сколько в которой волости ясачных людей и подростъков [РГАДА, кн. 527, л. 226]; *с Усть-Куты до Олекмы реки пашенных наволочных местъ много и пашенная земля хлебородна мочно посадит пашенных крстьян* [РГАДА, ст. 274, л. 374].

На территории Енисейской губернии, южнее Красноярска, а также в Прибайкалье получили распространение топонимы самодийского происхождения, восходящие к языку племен карагасов (тофаларов), таежных камасинцев и степных камасинцев (кашинцев), койбалов, моторов и др. Процесс тюркизации самодийских племен, начавшийся задолго до прихода русских на территорию Приенисейской Сибири и завершившийся примерно к XIX веку, привел к образованию двухсложных топонимов, состоящих из самодийской основы и тюркского прилагательного.

Признаком самодийского происхождения являются топонимы -ой ('малая река'), -ба (от «би», «бу» — 'вода'), -ма в гидронимах: *Богой, Холба, Шуба, Бада, Пойма, Индерма* и др. Возможно, самодийским по происхождению является и название притока Тасеевы реки — *Уда* (поселькупски «уд» — 'вода') [Беккер, 1964, с. 126; Мельхеев, 1969б, с. 163—164]: *договорился я холопъ твой с ним въ съезжей избе что им платит твоего гсдрва ясаку по две лошади с роду на год и приводит им те лошади в брацкой Удинской острожекъ что поставлен ис Красноярского острогу на реке на Уде* [РГАДА, ст. 344, л. 452].

В пределах Красноярской губернии до прихода русских проживали кетоязычные народы, образующие особую енисейскую языковую группу, которая относится к семейству палеоазиатских языков. Кетоязычные топонимы, в частности кетские, были распространены в бассейнах рек Бирюсы (Оны) и Уды (Чуны). «Само название кетоязычных народов "кет" или "ки" значит 'человек'. Отсюда название р. Кеть в Западной Сибири» [Мельхеев, 1969б, с. 33].

Следует заметить, что топонимы кетского происхождения относятся, как правило, к малым водным объектам — речкам и ручьям — и обычно представляют собой двухсоставные структуры, второй частью которых является общее название водного объекта, варьирующееся у различных групп кетоязычных народностей. Так, у сымских и имбатских кетов для обозначения водных объектов чаще всего использовалось слово *сес*, у кото-
тов — *шет* / *чет*, что переводится как 'река, ручей'; пумпокольские кеты в этом же значении употребляли слово *тет* / *тат*, а аринские — *сет* / *сат*

(‘река’). У ассанов для общего названия реки использовалось слово *уль*. По мнению А. П. Дульзона, «слово “уль” в значении ‘вода’ употреблялось во всех кетских языках за исключением имбатского наречия, в котором наряду с этой формой встречается вариант “ур”, и аринского, в котором употреблялось исключительно “куль”. По-видимому, “уль” употреблялось в значении ‘река’ иногда и в других кетских языках (кроме ассанского). Об этом свидетельствуют топонимы, в которые входит “уль” или “куль” со значением ‘река’, встречающиеся в местах плотного залегания неассанских кетских топонимов» [Дульзон, 1962, с. 57—63]. К енисейско-кетским относятся зафиксированные в памятниках деловой письменности топонимы: *Дубчес*, *Багайдат*, *Барандат*, *Исеть*. Можно предположить, что кетским по происхождению или употреблению является и простой топоним *Таз* (*Тас*), отмеченный в рукописных памятниках: *Тот коч весною в Мангазее на Тазу реке льдом порушило* [РГАДА, ст. 93, л. 84].

Монголо-бурятский пласт топонимов распространен по среднему течению Уды, в долине Ангара, бассейнах рек Витима, Аргуни, Илима, Киренги, Лены, в Прибайкалье, на северном Байкале, а за Байкалом — в долине реки Баргузина и в нижнем течении реки Нерчи. Как отмечает М. Н. Мельхеев, «топонимия степных районов Прибайкалья и Забайкалья, состоявшая из бурятских названий, имеет вкрапления тюркоязычных топонимов реликтового характера, этот факт свидетельствует о том, что тюркоязычное население предшествовало бурятскому» [Мельхеев, 1969б, с. 63].

Исследователи бурятской топонимии отмечают такой специфический признак топонимов, как наличие простых и сложных форм. Простые топонимы, которые М. Н. Мельхеев назвал «формами “чистой” основы» [Там же, с. 66], образовывались преимущественно от нарицательных географических терминов: *мурэн* — ‘большая река’ > *Мурэн*, *оса* — ‘вода’ > *Оса*: *да он же <...> Дмитрий Фирсовъ ис тово твоего гсдрва Новобалагансково острога послал от себя служилых людей в далные улусы тою ж Балаганские земли по рекам по Осе и по Белой и по Иркуту и до Байкал озера* [РГАДА, ст. 344, л. 645].

Сложные топонимы представляют собой результат словосложения либо являются словосочетанием и включают от двух до четырех компонентов. Первая часть такого топонима указывает на цвет, размер, местоположение географического объекта. Финальная часть сложного топонима содержит родовое понятие или нарицательный термин (река, озеро, гора и др.). Бурятские по происхождению гидронимы, как правило, имеют двухсложную структуру, включающую определение (большой — малый, правый —

левый, холодный — горячий, каменистый и под.) и определяемое слово, при этом, как отмечает М. Н. Мельхеев, «определение не всегда является бурятским словом: к существующему имени реки добавлялся бурятский гидронимический термин» [Мельхеев, 1969б, с. 73], например, *Иден-гол (Ида)*, *Удэн-гол (Уда)*, *Инга-гун (Инга)*, однако в рукописных памятниках данные гидронимы зафиксированы только в виде *Ида*, *Уда*, *Инга*.

Следует отметить, что русские первопроходцы, появившись на территории Приенисейской Сибири, осваивали прежде всего свободные земли, присваивая безымянным географическим объектам и вновь построенным населенным пунктам привычные русские названия: реки *Вихорева*, *Галкина*, *Овсянка*, *Рыбная*, *Подъемная*; речки *Караульная*, *Лазаревка*, *Малая*, *Мельничная*, *Моклоковка*, *Оверина*, *Онцыфорова* / *Анцыфорова*, *Песчанка*, *Пучеглазиха*, *Серая*, *Сполошная*, *Столбовая*, *Сухая*, *Усолка*, *Черменина*, *Черная*, *Ясаулова*; озера *Большое Боровое*, *Долгое*, *Круглое*, *Ломоватой Исток*, *Мостовое*, *Россохное*, *Щучье*; ручьи *Болотной*, *Глубокой*, *Еловой*, *Перевозной*; деревни *Зырянка* / *Зыряновская*, *Подпорожная*, *Родюковка* / *Родюковская*, *Савиновская* и под.

Собранные материалы свидетельствуют о том, что номинация географических объектов, в том числе и населенных пунктов, происходила постепенно, по мере освоения земельных угодий и формирования постоянного населения на данной территории. Закрепление земельных участков и водных угодий за русскими первопоселенцами шло через присвоение географическим объектам личного имени или фамильного прозвища владельца, например: *Офонька Савин* — деревня *Савинская*, речка *Савинская*, *Савинской* прилук; мельница *Ивана Сергеева сына Михалева* — деревня *Михалевская*, речка *Михалевская* [РГАДА, кн. 1403, лл. 352—40].

4. Географические названия в рукописных документах XVII века

Освоение Приенисейской Сибири сопровождалось картографированием территории, фиксированием географических названий в памятниках письменности, постепенным формированием нового топонимического пласта. Основная часть географической номенклатуры была зафиксирована различного рода историческими документами, составленными русскими первопроходцами. К числу наиболее ранних источников изучения топонимии Приенисейской Сибири относится «Роспись имянная рекам и новым землицам и князюм, с которых государев ясак збирается в Енисейской острог» (1630 год): *а от Енисейского устья до Тасеевы реки три дни ходу а впала Тасеева река с правую сторону в Тунгуску реку в верх идучи а по Тасееве реке живут с устья до порогу тунгуские люди а ясак гсдрю*

платят в Енисейской острог а на вершине Тасеевы реки живут брацкие люди конные князе Кохоня да на той же Тасееве реке живет на вершине князе куряхонской Кадым с своими людьми а те люди конные же а ясак гсдрю взяли ныне вновь в Енисейской острог с тех с братцких и курихинских людей пятидесятник Васья Черменинов с товарищи <...> а от Илима реки до усть Вихорева реки шесть дней ходу а впала Вихорева река в Тунгуску с правую сторону в верх идучи а с устья по ней живут тунгусские люди а ясак гсдрю платят в Енисейской острог <...> а от Вихорева реки до усть Оки реки две недели ходу а Ока река впала в Тунгуску с правую сторону в верх идучи а живут по ней братцкие люди а ясак с них гсдрю взяли в Енисейской острог сотник стрелецкой Петр Бекетов с князца с Братая да князца Кандукана да князца Котогуна да князца Букия а ныне по той Оке реке ходили воевать красноярские казаки которые приходили в прошлом во 136 (1628) году под Енисейской острог и хотели острог выграбить <...> а от Оки реки до усть Уды реки шесть дней ходу а живут по ней братцкие люди на вершине а впала Уда река в Тунгуску с левую сторону а ясаку с них не имывали потому что послать некого служилых людей мало <...> а от Уды реки до усть Уи реки четыре дни ходу а впала Уя река в Тунгуску с правую сторону в верх идучи а живут по ней на вершине братцкие люди ясаку с них не имывали <...> а от Уды реки до усть Унги реки ходу четыре дни а впала Унга река в Тунгуску с правую сторону в верх идучи а живут по ней братцкие люди с устья и до вершины а ясаку с них гсдрю не имывали потому что к ним русские люди не бывали а послати к ним некого служивых людей мало <...> а от Унги реки сказывают ясачные люди до усть Ожи реки два дни ходу а впала Ожа река в Тунгуску с левую сторону в верх идучи <...> а сказывают от Ожи реки до мугал восемь дней а до мугал живут по Тунгуске по обе стороны братцкие люди а мугалские люди живут над Тунгускою ж и до моря по обе стороны а ходу мугалами сказывают по Тунгуске до моря десять дней а ясаку гсдрю с них не имывали потому что удалело русские люди к ним не бывали а земля велика... [РГАДА, ст. 12, лл. 475—480].

Из других наиболее информативных источников следует назвать различного рода книги — переписные и дозорные, ясачные и книги рыбных ловель, по материалам которых представляется возможным реконструировать исходное состояние топонимической системы Приенисейской Сибири.

Как свидетельствуют рукописные документы XVII века, названия крупных рек в большинстве случаев отражают связь с языками коренного населения территории, по названию рек были именованы и первые рус-

ские зимовья и остроги, имевшие административно-управленческое или другое общее для жителей края значение, например, зимовья *Илимпейское, Инбацкое, Кондогирское, Турыжское, Хантайское, Хатанское, Хеттское* и др.; остроги *Мангазейский, Енисейский, Илимский, Братский, Осинский, Удинский, Селенгинский* и др. Часть острожков получила название по имени проживавшего в данной местности племени: *Балаганский* острог — по имени бурятского племени *булагат, булаган*; *Баргузинский* острог (и река Баргузин) от названия древнего племени *баргутов* (от бурят. *барга* — ‘глушь, глухомань, окраина’) [Мельхеев, 1964, с. 25]; *Братский* острог (от *братья* — ‘буряты’); *Иркутский* острог (и река Иркут) — по имени племени *Ырху (Ирху)*, многочисленные роды которого (иркит, иргит, иркыт, ырху) обитали в Прибайкалье еще в VIII—IX веках.

Исследованные материалы деловой письменности Приенисейской Сибири подтверждают наблюдения М. Н. Мельхеева о том, что ни один из острогов XVII века «не был назван по имени его основателя или другого лица из русских» [Мельхеев, 1969б, с. 46]. И только возникшие вокруг крупных населенных пунктов деревни служилых людей или пашенных крестьян получили свои названия по именам дворовладельцев: *Гуляевская, Давыдова, Ерыкалова, Казанцовых, Костыльниковая, Кочнева, Милославская, Михалевская, Падерина, Погадаева / Погадаевская, Родюковская / Родюковка, Пучеглазовская, Сурнина, Тихонова, Хлоптуновская* и др.

Постепенность формирования русской топонимической системы подтверждается тем, что к середине XVII века по памятникам деловой письменности Приенисейской Сибири удалось установить только 148 населенных пунктов, из которых всего 82 имели фиксированные названия. В текстах первой половины XVII века отмечаются и безымянные малые речки, ручьи, протоки, овраги, урочища и др. При необходимости описания анонимного географического объекта в текстах используется расширенный контекст, в котором дифференцирующим признаком объекта (конкретизатором) является указание на место его расположения. Главным компонентом конкретизатора может выступать как топоним-ориентир (*деревня выше Рожественской монастырской деревни; озеро за Нижнюю Подгородною деревнею; остров на Тасееве реке*), так и естественно-природные объекты, назначение которых заключается в помощи ориентации на местности (*деревня на быку; деревня на осыпном яру; ручей в ялани*).

5. Заключение

Таким образом, топонимическая система Приенисейской Сибири в ее исходном состоянии к приходу русских представляла собой довольно пе-

струю картину, обусловленную характером размещения на данной территории аборигенного населения — представителей разных языковых групп.

Контактирование первых русских землепроходцев, промышленных и служилых людей с представителями коренных родоплеменных объединений отразилось в разных жанрах деловой письменности XVII — начала XVIII веков. В документах первой половины XVII века зафиксированы названия различных географических объектов, прежде всего рек, по которым происходило перемещение русских с севера на юг приенисейской территории. Первые гидронимы, отмеченные в рукописях, восходят к тюркскому, тунгусскому, кетскому, самодийскому и монголо-бурятскому языковым пластам, о чем свидетельствуют корневые морфемы (*бай, баунт, кара, ката, килгэ, кири, кулин, кута, мурэн, оса, сес, сэлэ, уд, уль* и др.) и специфические топоформанты (*-нга, -ба, -би, -бу, -ма, -чан / -чон / -чэн* и под.): *Ангара, Дубчес, Ида, Ингода, Катанга, Каранга, Кемь, Кеть, Килка, Киренга, Куленга, Манза, Нена, Селенга, Сисима, Таз, Уда, Унга, Упса* и др. Как правило, первые усвоенные русским населением названия рек относятся к довольно крупным водным объектам, в то время как малым объектам (речкам, протокам, ручьям) присваивались собственно русские названия.

Появление русских на территории Приенисейской Сибири привело к новому этапу развития топонимической системы, которая в течение последующих столетий приобрела собственно русские черты. Первичные географические названия под влиянием русских первопоселенцев изменили свой внешний облик, что привело к разрушению исходного значения топонима, к его отрыву от языка-источника. Ср., например, варианты гидронима *Енисей*: эвенк. *Иондесси* — ‘большая река’ [Никонов, 1966, с. 136], эвенк. или селькуп. *Еоанэси* — ‘большая река’ [Мельхеев, 1969а], кет. *Енэсес* или *Йэнэсьесь* — ‘вода’ [Поспелов, 2005, с. 183], ненецк. *Енся ям* — ‘река с крутыми, прямыми берегами’ [Пушкарева, 2007, с. 18], хотя в рукописях XVII века ни один из указанных вариантов уже не зафиксирован.

Русифицированные названия рек послужили основой для номинации первых населенных пунктов на территории Приенисейской Сибири, что хорошо представлено в разных памятниках письменности: *Енисей* — *Енисейский острог*, *Кеть* — *Кетский острог*, *Уда* — *Удинский острог*, *Селенга* — *Селенгинский острог*, *Хатанга* — *Хатанское зимовье*, *Хеть* — *Хетское зимовье* и под.

Собственно русские названия водных (преимущественно небольших) объектов и мест поселения фиксируются в документальной письменности

на протяжении всего столетия, количественно возрастая к концу XVII века, что обусловлено активным хозяйственным освоением территории Приенисейской Сибири и формированием постоянного русского населения.

Памятники деловой письменности свидетельствуют о том, что топонимическое пространство текстов является прямым отражением процесса колонизации сибирской территории, особенностей социально-экономических и природно-хозяйственных условий жизни русских первопоселенцев, тех отношений, которые сложились между русскими первопоселенцами и коренными народами.

Наличие в деловой письменности топонимов, восходящих к языкам автохтонного населения Сибири, свидетельствует о своеобразии топонимической системы региона на раннем этапе ее развития.

В то же время следует отметить, что топонимия Приенисейской Сибири XVII — начала XVIII веков в целом отражает общерусскую картину формирования локально приуроченных топонимических систем, в которых представлены как аборигенные, так и собственно русские названия географических объектов.

Источники и принятые сокращения

РГАДА — *Российский* государственный архив древних актов.

Ф. 214 (Сибирский приказ). Оп. 1. Кн. 22. Лл. 489—493. Книги ясачные Енисейского острогу 138 г. ясачным людям и что взято поминков и ясаку с тунгусских и братских людей, 1630 г. ; Кн. 48. Лл. 45—55. Книги ясачные Енисейского острогу 141 г. ясачным людям, сколько человек в которой волости ясачных людей и что с них взято поминков и ясаку, 1633 г. ; Кн. 527. Лл. 226—263. Книга переписная Енисейского острога ясачным людям, 1669 г. ; Кн. 583. Лл. 187—209. Список городской Енисейского острога, 1672 г. ; Кн. 717. Л. 567. Книга сбора ясаку, 1679—1680 гг. ; Кн. 1403. Лл. 352—401. Подлинные челобитные с росписями, 1705 г. ; Кн. 1422. Лл. 150—164. Список городской мангазейского воеводы Ивана Николева, 1704 г.

Ф. 214 (Сибирский приказ). Оп. 3. Ст. 12. Лл. 452—453. Коллективная челобитная стрелецкого сотника Петра Бекетова, атамана Максима Перфильева, пятидесятника Терешки Савина и других енисейских служилых людей, 1629 г., Лл. 475—480. Роспись именная рекам и новым землям и князю, с которых государев яsak збирается в Енисейской острог, 1630 г. ; Ст. 91. Лл. 134—136. Отписка Красноярского воеводы Алферия Баскакова о набегах тубинских татар, 1640 г. ; Ст. 93. Лл. 2—168. Сказки (допросные речи) мангазейского воеводы князя Никиты Борятинского о разных делах, 1643 г. ; Ст. 227. Лл. 258—261. Челобитная царю Алексею Михайловичу сына боярского Ивана Похабова о его службе по приску новых земель и приводу в подданство братских людей и тунгусов и по сбору с них ясака, 1648 г. ; Ст. 274. Л. 374. Отписка енисейского воеводы Василия Пушкина о ссыльных черкасах, 1646 г. ; Ст. 308. Лл. 8—15. Отписка енисейского воеводы

Федора Полибина о государевом ясаке, 1648 г. ; Ст. 344. Л. 452. Отписка красноярского воеводы Михаила Скрыбина о ясачных лошадях, 1654 г., Л. 456. Отписка красноярского воеводы Михаила Скрыбина о посылке красноярских служилых людей в Тубинскую землю за ясачным сбором, 1654 г., Л. 457. Доездная память красноярских людей Ивашки Рога с товарищами о ясачном сборе, 1654 г., Л. 458. Доездная память красноярских служилых людей Осипка Уса с товарищами о посылке их в Тубинскую землю за ясачным сбором, 1654 г., Лл. 587—599. Отписки енисейского воеводы Афанасия Пашкова о разных делах, 1654 г., Лл. 642—651. Отписка енисейского воеводы Афанасия Пашкова о посылке Дмитрия Фирсова на Анггару для построения нового Балаганского острога, 1654 г.

Ф. 1177 (Якутская приказная изба). Оп. 3. Ст. 2415. Лл. 256—262. Роспись против чертежу от Куты реки вверх по Лене реке и до вершины и сторонным рекам которые впали в Лену реку и сколько от реки до реки судового ходу и пашенным местам и роспросные речи тунгусово князца Можеулка про братцких и про тунгуских людей, и про Ламу и про иные реки, 1641 г.

Литература

1. Беккер Э. Г. Селькупская топонимика Томской области / Э. Г. Беккер // Топонимика Востока. Новые исследования. — Москва : Наука, 1964. — С. 125—133.
2. Василевич Г. М. Топонимика Восточной Сибири / Г. М. Василевич // Известия Всесоюзного географического общества. — 1958. — Т. 90. — Выпуск 4. — С. 324—335.
3. Васильева С. П. Русская топонимия Приенисейской Сибири : картина мира : диссертация ... доктора филологических : 10.02.01 / С. П. Васильева. — Красноярск, 2005. — 521 с.
4. Вернер Г. К. Енисейские языки / Г. К. Вернер // Языки мира. Палеоазиатские языки : сборник статей / Российская академия наук, Институт языкознания. — Москва : Индрик, 1997. — С. 169—177.
5. Воробьева И. А. Системные связи топонимов средней части бассейна реки Оби / И. А. Воробьева // Вопросы русского языка и его говоров / ред. О. М. Соколов, М. Н. Янценецкая ; Томский государственный университет имени В. В. Куйбышева. — Томск : [б. и.], 1976. — С. 3—11.
6. Гордилова Л. М. Варианты топонимов в деловой письменности Приенисейской Сибири XVII — начало XVIII вв. / Л. М. Гордилова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 6. Ч. 1. — С. 62—65.
7. Гордилова Л. М. Топонимическое пространство Приенисейской Сибири по данным деловой письменности XVII в. / Л. М. Гордилова // Fundamental science and technology — promising developments IV. Vol. 2 : Proceedings of the Conference. North Charleston, 29—30.09.2014 (Volume 2) (Russian Edition). — North Charleston, SC, USA : CreateSpace, 2014a. — Pp. 189—194.
8. Гордилова Л. М. Антропогенные ойконимы в деловой письменности Приенисейской Сибири XVII — начала XVIII в. / Л. М. Гордилова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2014б. — № 1 (24) : в 2-х ч. Ч. 2. — С. 61—64.

9. *Гурулев С. А.* Реки Байкала : Происхождение названий / С. А. Гурулев. — Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1989. — 108 с.
10. *Дмитриев А. В.* Сибирь в составе Российского государства в XVII—XVIII веках [Электронный ресурс] / А. В. Дмитриев. — Режим доступа : <http://gkaf.nsu.ru/dmitriev/sk/index.html>.
11. *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири / Б. О. Долгих. — Москва : АН СССР, 1960. — 662 с.
12. *Дульзон А. П.* Былое расселение кетов по данным топонимики / А. П. Дульзон // Вопросы географии. Сборник 58 : Географические названия / ответственный редактор Э. М. Мурзаев, В. А. Никонов. — Москва : Географгиз, 1962. — С. 50—84.
13. *Жеребило Т. В.* Термины и понятия лингвистики : общее языкознание. социолингвистика : словарь-справочник / Т. В. Жеребило. — Назрань : Пилигрим, 2011. — 280 с.
14. *Итоги* Всероссийской переписи населения 2010 г. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612-tom4.htm.
15. *Картавенко В. С.* Становление региональной топонимической системы : Западный регион России : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.01 / В. С. Картавенко. — Смоленск, 2012. — 46 с.
16. *Мальцева В. М.* Русская топонимия юга Красноярского края : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / В. М. Мальцева. — Москва, 1995. — 226 с.
17. *Мельхеев М. Н.* Географические названия Восточной Сибири. Иркутской и Читинской области [Электронный ресурс] / М. Н. Мельхеев. — Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1969а. — 120 с.
18. *Мельхеев М. Н.* Происхождение географических названий Иркутской области / М. Н. Мельхеев. — Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1964. — 90 с.
19. *Мельхеев М. Н.* Топонимика Бурятии : История, система и происхождение географических названий / М. Н. Мельхеев. — Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 1969б. — 185 с.
20. *Никонов В. А.* Краткий топонимический словарь / В. А. Никонов. — Москва : Мысль, 1966. — 509 с.
21. *Поспелов Е. М.* Топонимический словарь : около 1500 единиц / Е. М. Поспелов. — Москва : Астрель : АСТ, 2005. — 229 с.
22. *Пушкарева Е. Т.* Картина мира в фольклоре ненцев : системно-феноменологический анализ / Е. Т. Пушкарева. — Екатеринбург : Баско, 2007. — 248 с.
23. *Топоров В. Н.* Енисейский языки / В. Н. Топоров // Лингвистический энциклопедический словарь / главный редактор В. Н. Ярцева. — Москва : Советская энциклопедия, 1990. — С. 150—151.
24. *Целебровская Е. И.* Топонимия Минусинского района Красноярского края и города Минусинска : к проблеме специфики языковых реализаций : автореферат

диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Е. И. Целебровская. — Абакан, 2013. — 23 с.

Extralinguistic Conditions of Formation of Russian Toponymical System of Yenisei Siberia (based on Business Manuscripts of 17 Century)

© **Lyudmila M. Gorodilova (2019)**, orcid.org/0000-0002-5824-8514, Doctor of Philology, professor, Department of Russian Language and Publishing Business, Pacific State University (Khabarovsk, Russia), gorodilova_l@mail.ru

The article describes a fragment of the toponymic system of the Yenisei Siberia in the period preceding the appearance of Russian first settlers in this territory. The relevance of the work is determined by lack of research of the initial state of the toponymic system of the Yenisei Siberia, the reconstruction of which is possible only with the help of preserved manuscript monuments, as well as by the need to describe the toponymic space of a single region from the first fixation in written sources to the present state. The novelty of the study lies in the fact that the reconstruction of the initial stage of the formation of the toponymic system of the Yenisei Siberia is for the first time carried out on the material of unpublished handwritten documents of the 17th—18th centuries, which recorded not only the actual Russian place names, but also the names of geographical objects dating back to the languages of the autochthonous population of Siberia. Special attention is paid to the typical features of place names belonging to different linguistic groups of the indigenous population. It is shown that the presence of pre-Russian toponymy is one of the extralinguistic conditions for the formation of the Russian toponymic system. It is proved that the study of toponymy of pre-Russian origin allows to recreate an objective picture of the formation of the toponymic system of the Yenisei Siberia and thereby expand the understanding of the all-Russian and regional system of toponymic signs from the position of naming resources.

Key words: autochthonous population of the Yenisei Siberia; aboriginal names of geographical objects; Tungus, Samoyedic, Turkic, Ket and Mongolian-Buryat language layers of place names, handwritten monuments of the 17th century.

Material resources

RGADA — *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov*. (In Russ.).

F. 214 (Sibirskiy prikaz). Op. 1. Kn. 22. Ll. 489—493. Knigi yasachnyye Eniseyskogo ostrogu 138 g. yasachnym lyudyam i chto vzyato pominkov i yasaku s tungusskikh i bratskikh lyudey, 1630 g.; Kn. 48. Ll. 45—55. Knigi yasachnyye Eniseyskogo ostrogu 141 g. yasachnym lyudyam, skolko chelovek v kotoroy volosti yasachnykh lyudey i chto s nikh vzyato pominkov i yasaku, 1633 g.; Kn. 527. Ll. 226—263. Kniga perepisnaya Eniseyskogo ostroga yasachnym lyudyam, 1669 g.; Kn. 583. Ll. 187—209. Spisok gorodovoy Eniseyskogo ostroga, 1672 g.; Kn. 717. L. 567. Kniga sbora yasaku, 1679—1680 gg.; Kn. 1403. Ll. 352—401. Podlinnyye chelobitnyye s rospisyami, 1705 g.;

- Kn. 1422. Ll. 150—164. Spisok gorodovoy mangazeyskogo voyevody Ivana Nikoleva, 1704 g. (In Russ.).
- F. 214 (Sibirskiy prikaz). Op. 3. St. 12. Ll. 452—453. Kollektivnaya chelobitnaya streletskego sotnika Petra Beketova, atamana Maksima Perfileva, pyatidesyatnika Tereshki Savina i drugikh yeniseyskikh sluzhilykh lyudey, 1629 g. Ll. 475—480. Rospis' imyannaya reklam i novym zemlitsam i knyaztsom, s kotorykh gosudarev yasak zbirayetsya v Eniseyskoy ostrog, 1630 g.; St. 91. Ll. 134—136. Otpiska krasnoyarskogo voyevody Alferiya Baskakova o nabegakh tubinskikh tatar, 1640 g.; St. 93. Ll. 2—168. Skazki (doprosnyye rechi) mangazeyskogo voyevody knyazya Nikity Boryatinskogo o raznykh delakh, 1643 g.; St. 227. Ll. 258—261. Chelobitnaya tsaryu Alekseyu Mikhaylovichu syna boyarskogo Ivana Pokhabova o yego sluzhbe po priisku novykh zemlits i privodu v poddanstvo bratskikh lyudey i tungusov i po sboru s nikh yasaka, 1648 g.; St. 274. L. 374. Otpiska yeniseyskogo voyevody Vasiliya Pushkina o ssylnykh cherkasakh, 1646 g.; St. 308. Ll. 8—15. Otpiska yeniseyskogo voyevody Fedora Polibina o gosudarevom yasake, 1648 g.; St. 344. L. 452. Otpiska krasnoyarskogo voyevody Mikhaila Skryabina o yasachnykh lozhadyakh, 1654 g., L. 456. Otpiska krasnoyarskogo voyevody Mikhaila Skryabina o posylke krasnoyarskikh sluzhilykh lyudey v Tubinskuyu zemlyu za yasachnym sborom, 1654 g., L. 457. Doyezdnaya pamyat' krasnoyarskikh lyudey Ivashki Roga s tovarishchami o yasachnom sbore, 1654 g., L. 458. Doyezdnaya pamyat' krasnoyarskikh sluzhilykh lyudey Osipka Usa s tovarishchami o posylke ikh v Tubinskuyu zemlyu za yasachnym sborom, 1654 g., Ll. 587—599. Otpiski yeniseyskogo voyevody Afanasiya Pashkova o raznykh delakh, 1654 g., Ll. 642—651. Otpiska yeniseyskogo voyevody Afanasiya Pashkova o posylke Dmitriya Firsova na Angaru dlya postroyeniya novogo Balaganskogo ostroga, 1654 g. (In Russ.).
- F. 1177 (Yakutskaya prikaznaya izba). Op. 3. St. 2415. Ll. 256—262. Rospis protiv chertezhu ot Kuty reki vverkh po Lene reke i do vershiny i storonnym reklam kotoryye vpali v Lenu reku i skolko ot reki do reki sudovogo khodu i pashennym mestam i rosprosnye rechi tunguskovo knyaztsa Mozheulka pro bratskikh i pro tunguskikh lyudey, i pro Lamu i pro inyye reki, 1641 g. (In Russ.).

References

- Bekker, E. G. (1964). Selkupskaya toponimika Tomskoy oblasti. In: *Toponimika Vostoka. Novyye issledovaniya*. Moskva: Nauka. 125—133. (In Russ.).
- Dmitriyev, A. V. *Sibir' v sostave Rossiyskogo gosudarstva v XVII—XVIII vekakh*. Available at: <http://gkaf.nsu.ru/dmitriev/sk/index.html>. (In Russ.).
- Dolgikh, B. O. (1960). *Rodovoy i plemennoy sostav narodov Sibiri*. Moskva: AN SSSR. (In Russ.).
- Dulzon, A. P. (1962). Byloye rasseleniye ketov po dannym toponimiki. In: Murzaev, E. M., Nikonov, V. A. (eds.). *Voprosy geografii. Sbornik, 58: Geograficheskiye nazvaniya*. Moskva: Geografiz. 50—84. (In Russ.).

- Gorodilova, L. M. (2013). Varianty toponimov v delovoy pismennosti Priyenisayskoy Sibiri XVII — nachalo XVIII vv. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 6 (1): 62—65. (In Russ.).
- Gorodilova, L. M. (2014a). Toponimicheskoye prostranstvo Priyenisayskoy Sibiri po dannym delovoy pismennosti XVII v. In: *Fundamental science and technology — promising developments IV (2) : Proceedings of the Conference. North Charleston, 29—30.09.2014 (Russian Edition)*. North Charleston, SC, USA: CreateSpace. 189—194. (In Russ.).
- Gorodilova, L. M. (2014b). Antropogennyye oykonimy v delovoy pismennosti Priyenisayskoy Sibiri XVII — nachala XVIII v. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 1 (24)-2: 61—64. (In Russ.).
- Gurulev, S. A. (1989). *Reki Baykala: Proiskhozhdeniye nazvaniy*. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoye knizhnoye izdatelstvo. (In Russ.).
- Itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 g., 4: Natsionalnyy sostav i vladeniye yazykami, grazhdanstvo*. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612-tom4.htm. (In Russ.).
- Kartavenko, V. S. (2012). *Stanovleniye regionalnoy toponimicheskoy sistemy: Zapadnyy region Rossii: avtoreferat dissertatsii... doktora filologicheskikh nauk*. Smolensk. (In Russ.).
- Maltseva, V. M. (1995). Russkaya toponimiya yuga Krasnoyarskogo kraya: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk. Moskva. (In Russ.).
- Melkheyev, M. N. (1964). *Proiskhozhdeniye geograficheskikh nazvaniy Irkutskoy oblasti*. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoye knizhnoye izdatelstvo. (In Russ.).
- Melkheyev, M. N. (1969a). *Geograficheskiye nazvaniya Vostochnoy Sibiri. Irkutskoy i Chitinskoy oblasti*. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoye knizhnoye izdatelstvo. Available at: <http://irkipedia.ru/node/3746/talk>. (In Russ.).
- Melkheyev, M. N. (1969b). *Toponimika Buryatii: Istoriya, sistema i proiskhozhdeniye geograficheskikh nazvaniy*. Ulan-Ude: Buryatskoye knizhnoye izdatelstvo. (In Russ.).
- Nikonov, V. A. (1966). *Kratkiy toponimicheskii slovar'*. Moskva: Mysl'. (In Russ.).
- Pospelov, E. M. (2005). *Toponimicheskii slovar': ok. 1500 yed*. Moskva: Astrel: AST. (In Russ.).
- Pushkareva, E. T. (2007). *Kartina mira v folklоре nentsev: sistemno-fenomenologicheskii analiz*. Ekaterinburg: Basko. (In Russ.).
- Toporov, V. N. (1990). Eniseyskiye yazyki. In: *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'*. Moskva: Sovetskaya entsiklopediya. 150—151. (In Russ.).
- Tselebrovskaya, E. I. (2013). *Toponimiya Minusinskogo rayona Krasnoyarskogo kraya i goroda Minusinska: k probleme spetsifiki yazykovykh realizatsiy: avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk*. Abakan. (In Russ.).
- Vasilevich, G. M. (1958). Toponimika Vostochnoy Sibiri. *Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshchestva*, 90 (4): 324—335. (In Russ.).
- Vasilyeva, S. P. (2005). *Russkaya toponimiya Priyenisayskoy Sibiri: kartina mira: dissertatsiya ... doktora filologicheskikh nauk*. Krasnoyarsk. (In Russ.).

- Verner, G. K. (1997). Eniseyskiye yazyki. In: *Yazyki mira. Paleoaziatskie yazyki*. Moskva: Indrik. 169—177. (In Russ.).
- Vorobyeva, I. A. (1976). Sistemnyye svyazi toponimov sredney chasti basseyna reki Obi. In: Sokolov, O. M., Yantsenetskaya, M. N. (ed.). *Voprosy russkogo yazyka i yego govorov; Tomskiy gosudarstvennyy universitet imeni V. V. Kuybysheva*. Tomsk: [b. i.]. 3—11. (In Russ.).
- Zherebilo, T. V. (2011). Terminy i ponyatiya lingvistiki. In: *Obshcheye yazykoznaniye. Sotsiolingvistika: slovar'-spravochnik*. Nazran': Pilgrim. (In Russ.).